

тулатура моя, как-то: ...' (следует перечисление пяти титулов царя).

Однако в египетском языке сочинительные сочетания выступали не только в роли однородных членов предложения. Мы уже обращали внимание на характерную особенность письменных памятников: использование подчинительных сочетаний (словосочетаний) вне предложения, как номинативных единиц. В таких словосочетаниях независимые и зависимые члены могли представлять собой сочинительные сочетания, компоненты которых, объединенные на основе одного и того же отношения к члену словосочетания, выступали как однородные члены словосочетания. Характерны в этом отношении сверхсложные словосочетания (см. стр. 30—31). Но для примера можно взять более простые и сходные по выражаемым отношениям *n*-словосочетание и субстантивное предложное словосочетание, в которых зависимые члены выражены двучленными сочинительными сочетаниями, образованными при помощи предлога *hr* (L^5):

wrrj.wt n.t nb hr hq (Urk. IV, 659, 16) 'колесницы из золота да серебра'; *dbh.t-htp m nb hr hq* (Urk. IV, 22, 10) 'жертвенная утварь из золота да серебра'.

Формулы этих словосочетаний с учетом того, что их зависимые члены являются сочинительными сочетаниями, можно представить следующим образом:

$$A^1 \rightarrow n \rightarrow [A_1 + (L^5) + A_2]$$

$$A^1 \rightarrow L^1 \rightarrow [A_1 + (L^5) + A_2]$$

Таким образом, можно сделать вывод, что сочинительные сочетания в египетском языке осуществляли важную функцию, так как их компоненты выступали в роли однородных членов предложения и однородных членов словосочетания.

Глава IX

АППОЗИТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ АППОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА «АППОЗИЦИЮ»

В египетском языке сравнительно часто встречаются сочетания слов, в которых компоненты явно не находятся ни в подчинительных, ни в сочинительных отношениях.

С точки зрения синтаксиса предложения один из компонентов такого сочетания обычно рассматривается как второстепенный член предложения, определение особого рода — приложение (apposition). Поэтому эти сочетания условно можно назвать аппозитивными, хотя по характеру синтаксических отношений между компонентами было бы логичнее, как мы увидим дальше, назвать эти сочетания приравнительными или отождествительными.

Рассмотрение внутренней формы аппозитивных сочетаний, синтаксических отношений между компонентами этих сочетаний, функции и положения компонентов относительно друг друга и других вопросов возможно лишь в связи с общей теорией сочетаний слов. Трудность изучения аппозитивных сочетаний заключается в том, что к ним можно отнести внешне весьма отличные сочетания, для объединения которых в одну группу на первый взгляд очень мало оснований. Без сомнения, это же обстоятельство явилось причиной того, что до сих пор при изучении явления аппозиции в египетском и других языках были высказаны самые разнообразные соображения, иногда весьма близкие к теории о сочетании слов. Нелишне привести некоторые из этих взглядов (не претендуя абсолютно на полноту охвата материала), особенно из египтологической и отечественной литературы. По нашему мнению, это в значительной мере может способствовать изучению аппозитивных сочетаний в египетском языке.

В египтологической литературе явление аппозиции более или менее подробно освещается как в общих курсах египетского языка¹, специальных грамматиках языка текстов пирамид² и медицинских текстов³, так и в статье И. Шпигеля, опублико-

¹ E. Gramm., § 305—314; Erman, Gramm., § 210; G. Gramm., § 90; L. Gramm., § 135.

² S.-H. Gramm., § 412—420.

³ W. Gramm., § 138—141.

ванной в 1935 г.⁴. Отдельные ценные замечания по этому поводу имеются в статьях многих египтологов (К. Пиля, А. Эрмана, Г. Зете, Г. Грапова и др.), а также в изданиях, посвященных публикации памятников письменности.

Несмотря на обилие работ, в той или иной мере имеющих дело с аппозицией в египетском языке, единой точки зрения на последнюю не существует. Одно из первых в египтологии определений аппозиции принадлежит Эрману, который рассматривает это явление лишь с точки зрения положения и функции одного имени существительного в отношении другого в предложении. Эрман пишет: «В аппозиции стоит поясняющее (*erklärende*) существительное за поясняемым (*erklärte*)»⁵. Такое понимание аппозиции в целом характерно для авторов последующих общих курсов египетского языка, хотя статья Шпигеля, трактующая, как будет показано ниже, вопрос по-иному, уже увидела свет. Так, например, в грамматике среднеегипетского языка Лефевра можно найти следующее определение: «Два существительных в аппозиции следуют непосредственно одно за другим, причем второе поясняет и уточняет первое»⁶.

При таком формальном подходе к аппозиции часто причисляют явления, весьма далекие от нее. К примеру, Гардинер и Вестендорф считают находящимся «в аппозиции» имя существительное, выступающее после местоимения-существительного *kj* 'другой'⁷, несмотря на то что они согласуются в роде и числе (см. вар. I/XXVIII морфологически согласованных словосочетаний с препозицией зависимого члена) и не второе поясняет и уточняет первое, а, наоборот, первое поясняет второе. Этот и некоторые другие примеры свидетельствуют о том, что при формальном подходе к явлению аппозиции не было достигнуто четкости, во-первых, в вопросе о способе синтаксической связи между словами, одно из которых выступает как «приложение» к другому, и, во-вторых, в вопросе о синтаксических отношениях между ними, хотя и можно предположить, что Эрман подразумевал между «поясняющим» и «поясняемым» существительным отношения атрибутивные. Наконец, даже в отношении формального положения приложения определение Эрмана недостаточно четко, так как «поясняющее» слово, которое находится «в аппозиции» к «поясняемому», не всегда стоит за последним, но может быть и перед ним. На это в примечании указывает и сам Эрман, говоря, что титул и т. п. стоит перед именем собственным⁸.

Иначе подошел к решению проблемы Шпигель. Он дает ап-

⁴ I. Spiegel, *Zum Gebrauch der Apposition im Ägyptischen und Arabischen*, — ZAS, Bd 71, 1935, стр. 56—81.

⁵ Erman, *Gramm.*, § 210.

⁶ L. Gramm., § 135.

⁷ G. Gramm., § 98; W. Gramm., § 138.

⁸ Erman, *Gramm.*, § 210, прим.

позиции следующее определение: «Аппозиция — это приложение одного имени к другому в том смысле, что оба должны составлять смысловое единство. Это предполагает, что обозначаемое первым именем тождественно обозначаемому прилагаемым именем»⁹.

В этой формулировке любопытным является соображение о «смысловом единстве» слов в аппозиции и вытекающей из этого тождественности понятий, передаваемых этими словами, т. е. попытка решить вопрос об аппозиции, исходя из синтаксических отношений между словами в аппозитивном сочетании.

Отойдя, однако, от формального метода определения аппозиции по положению имен существительных относительно друг друга, Шпигель впал в другую крайность и полностью устранил из исходных данных момент внутренней формы, т. е. указание на способ связи сочетаемых слов. Поэтому Шпигель считает находящимися в аппозиционном соединении имена существительные, между которыми налицо приписанные Шпигелем отношения тождественности, вне зависимости от способа их связи. По Шпигелю, например, возможно введение аппозиции с помощью предлога *m*, так как последний мог выражать отношения тождественности. Если даже отвлечься от того, что в аппозиционном сочетании (вопреки мнению Шпигеля) не было отношений тождества, то и в этом случае он непоследовательно проводит свой принцип. Большую часть своей статьи он посвящает так называемой *Badal-Apposition*, в которой, по его же словам, «предмет прилагаемого существительного не идентичен предмету первого существительного».

В своей работе Шпигель декларирует тождественность синтаксических отношений между членами аппозитивного сочетания слов и главными членами «предложения тождества», но каких-либо доказательств и обоснований этого не приводит. «Сущность отношений между членами аппозиционного соединения,— пишет Шпигель,— та же самая, что между субъектом и предикатом предложения тождества (*Identitätssatz*)».

И все же, несмотря на неправильное определение синтаксических отношений между словами в аппозитивном сочетании и смешение их с отношениями, возникающими в предложении, а также на пренебрежение внутренней формой и другие недочеты, Шпигель, с нашей точки зрения, предпринял весьма интересную попытку решить вопрос об аппозиции по-новому, с учетом отношений между словами, одно из которых находится в аппозиции к другому.

Некоторые положения Шпигеля (в том числе и сомнительные) были приняты в египтологии, но именно его определение аппозиции не получило в дальнейшем развития. Можно думать, что это произошло в результате непривычности его исходной уста-

⁹ I. Spiegel, *Zum Gebrauch der Apposition...*, § 1.

новки и его собственной непоследовательности в практическом применении своих взглядов.

Более обычных и традиционных взглядов придерживается Ф. Хинтце, который в своей работе о стиле и языке новоегипетских повестей посвящает аппозиции небольшой раздел¹⁰, интересный, кроме новоегипетских примеров, также и своей полемической направленностью против некоторых положений и выводов Шпигеля. Хинтце справедливо критикует Шпигеля за то, например, что тот почти не уделял внимания так называемой обычной аппозиции. Он отмечает также, что в Badal-Apposition нет никакого тождества имен, хотя Шпигель принимает последнее за основу. Поэтому Хинтце считает, что определение аппозиции, данное Шпигелем, является слишком узким, и предпочитает использовать формулировку лингвиста-классика Хофмана: «Определение существительного прилагательным называется атрибутом, а существительным — аппозицией». Из этого определения со всей ясностью вытекает только то, что аппозиция — это один из видов определения, т. е. принимается во внимание роль лишь одного слова как члена предложения, но не указывается на конкретные отношения между членами аппозитивного сочетания.

Применение Хинтце этого определения не дало существенных результатов, что, с нашей точки зрения, более или менее естественно, так как изучение явления аппозиции вне учения о сочетаниях слов вряд ли возможно.

Любопытно, что косвенным образом сам Хинтце подтверждает это. Например, при классификации случаев аппозиции он вынужден принимать во внимание способ синтаксической связи. Так, он не приводит ни одного примера, в котором имя существительное — определение было бы связано с определяемым при помощи предлога или какого-либо другого служебного слова. Следовательно, вне зависимости от принятого им определения, Хинтце исходит из того, что приложение присоединяется к определяемому без помощи какого-либо служебного слова. Далее, новоегипетские примеры Badal-Apposition Хинтце относит к группе анаколуфа (anakoluthé), т. е. к явлению скорее стилистического, а не грамматического порядка, но вводит их почему-то в раздел об аппозиции. Эта непоследовательность показывает, что при решении вопроса об аппозиции следует иметь в виду не только способ связи, но и синтаксические отношения между словами в соответствующем сочетании.

Таким образом, в египтологии имеют место по меньшей мере три точки зрения на аппозицию, но ни одна из них в полной мере не может считаться удовлетворительной, так как не вытекает полностью из учения о сочетаниях слов.

¹⁰ Fr. Hintze, *Untersuchungen zur Stil und Sprache Neuägyptischer Erzählungen*, Berlin, 1950, стр. 117—130.

Большое значение имеют теоретические положения некоторых советских лингвистов относительно аппозиции.

В отечественном языкознании традиционный взгляд, определившийся при изучении русского и некоторых других языков, сводится к тому, что приложение — это особый вид определения, выраженный именем существительным. Естественно, что между определяемым и определением (приложением) подразумеваются атрибутивные отношения.

Однако и при традиционном подходе тщательное изучение явления аппозиции способствовало выявлению ряда интересных моментов, особенно в области способа связи приложения с определяемым и значения приложения в отличие от других видов определения, что непосредственно касается вопроса о синтаксических отношениях между словами аппозиционного сочетания.

При рассмотрении приложения как второстепенного члена предложения учитывается специфика способа связи приложения с определяемым в конкретном языке. Академическая «Грамматика русского языка» рассматривает, например, приложение как «определение, выраженное именем существительным и согласующееся с определяемым словом в падеже (о некоторых отклонениях от этого правила см. § 773). В тех случаях, когда приложение выражено именем существительным, изменяющимся по числам, имеет место согласование с определяемым словом в числе (*герой-моряк* и *герои-моряки*)»¹¹.

Что касается особенностей, отличающих приложение от других видов определений, то обычно отмечают, что приложение не указывает на качество или свойство определяемого, а лишь дает ему другое название. М. И. Стеблин-Каменский, например, считает приложением «определение, которое представляет собой другое обозначение того же самого, что обозначено определяемым»¹². Примерно так же определено значение приложения в «Современном русском языке»: «Определяя предмет, — пишут авторы этой книги, — приложение дает ему другое название»¹³.

Несмотря на распространенность взгляда на приложение как на вид определения, т. е. только с точки зрения синтаксиса предложения, и отсюда на синтаксические отношения между приложением и определяемым словом как на атрибутивные, этот взгляд не может считаться единственным, так как явление аппозиции может быть исследовано, как мы уже указывали выше, и с точки зрения учения о сочетаниях слов. Приведенные выше мнения, что приложение — это другое название определяемого слова, уже необходимо подразумевают рассмотрение отношений

¹¹ «Грамматика русского языка», изд. АН СССР, т. II, § 765, М., 1954.

¹² М. И. Стеблин-Каменский, *Грамматика норвежского языка*, М.—Л., 1957, § 117.

¹³ Н. С. Валгина, Д. Е. Розенталь, М. И. Фсмина, В. В. Цапкевич, *Современный русский язык*, М., 1962, стр. 317.

между словами в сочетании, т. е. выходят за рамки учения о второстепенных членах, одним из которых является приложение.

Однако можно отметить и более определенную попытку поновому рассмотреть вопросы, связанные с аппозицией, которая принадлежит Е. В. Кротевичу. Он считает, что явление должно изучаться в сфере словосочетания, т. е. подчинительного сочетания слов. Синтаксические отношения внутри такого словосочетания Е. В. Кротевич называет «аппозитивными отношениями».

«Кроме атрибутивных, обстоятельственных и объектных отношений, которые являются основными, наиболее распространенными синтаксическими отношениями, — пишет Е. В. Кротевич, — наблюдаются также и аппозитивные отношения, выражающие зависимость между соотносительными членами — названиями сопоставляемых предметов, один из которых обозначает качество-свойство или родовой признак, присущий (или кажущийся присущим) другому, господствующему члену...». По-иному рассматривается и способ синтаксической связи. Е. В. Кротевич высказывает мысль, что «способом выражения этих отношений является не согласование, а корреляция, представляющая собой своеобразную синтаксическую связь, промежуточную между сочинением и подчинением. Своеобразие корреляции характеризуется большей независимостью форм поясняющего слова (выступающего в предложении в роли приложения) от форм поясняемого по сравнению с обычным согласованием прилагательного в атрибутивной функции с соответствующим существительным»¹⁴.

Не все приведенные выше соображения Е. В. Кротевича для нас представляются убедительными. Например, с нашей точки зрения, нельзя доказать самого главного: наличия в аппозитивном сочетании господствующего и зависимого членов, т. е., иными словами, подчинительных отношений между членами этих сочетаний. Но выделение особого вида синтаксических отношений («аппозитивных») и способа выражения этих отношений («корреляции»), а также сам факт изучения явления аппозиции в системе сочетаний слов представляется крайне важным и ценным теоретическим вкладом.

В целом же все приведенные выше взгляды на аппозицию могут способствовать практическому изучению аппозитивных сочетаний слов в египетском языке.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА АППОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Е. В. Кротевич назвал способ выражения аппозитивных отношений корреляцией, которая, по его мнению, представляет собой своеобразную синтаксическую связь, промежуточную между сочинением и подчинением, и характеризуется большей неза-

¹⁴ Е. В. Кротевич, *Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения*, Львов, 1956, стр. 9.

висимостью компонентов сочетания, чем при согласовании. Не касаясь сейчас сущности «аппозитивных отношений», о которых речь пойдет в следующем разделе, отметим лишь, что они представляли собой совершенно особые отношения, не имеющие ничего общего с отношениями, возникавшими в подчинительных и сочинительных сочетаниях. Можно, разумеется, обозначить способ выражения аппозитивных отношений словом «корреляция», но, по нашему мнению, этот термин лишь констатирует взаимосвязь членов аппозитивного сочетания, что ясно само по себе, но не в состоянии определить способ синтаксической связи в том конкретном понимании, которого мы придерживаемся.

Как ясно из предыдущего изложения, мы рассматриваем способ выражения синтаксической связи в любом сочетании слов прежде всего с точки зрения языковых показателей этой связи. Согласование, например, было только одним из шести видов подчинительных отношений в египетском языке (стр. 70). Сочинительная связь устанавливалась с помощью трех способов: при помощи простого соположения компонентов, с помощью некоторых предлогов, с помощью аналитических показателей вида сочинительного отношения (стр. 241—243).

Изучение внутренней формы аппозитивных сочетаний приводит к заключению, что выражение синтаксических отношений в этих сочетаниях было возможно при помощи двух способов.

Прежде всего связь между компонентами устанавливалась путем непосредственного примыкания или простого соположения компонентов. В отличие от непосредственного примыкания при образовании аналитически соположенных словосочетаний, в которых один из компонентов претерпевал фонетические изменения (стр. 38), и при образовании сочинительных соположенных сочетаний, между компонентами которых наличествовали перечислительная интонация и пауза (стр. 241), при непосредственном примыкании членов аппозитивного сочетания не имели места, без сомнения, ни фонетические изменения, ни перечислительная интонация или пауза. Этот вид примыкания можно было бы назвать собственно примыканием или собственно соположением. Простейшими примерами могут служить случаи примыкания имени существительного или субстантивного сочетания, обозначающего титул, социальное положение, родство и т. п. к личному имени носителя этого титула, социального положения, родственного отношения:

(1) *n-šw.t-bj.t šnfrw...* (P. 1116 В rt., 1) 'царь Верхнего и Нижнего Египта Снефру...';

(2) *hm šbk-mš* (Urk. IV, 11, 11) 'раб Себекмес';

(3) *t;j.j hm.t šnb.t(f).šj* (Hayes XIV, 1) 'моя жена Сенебтиси'.

Другим способом аппозитивной связи являлось соединение членов аппозитивного сочетания при помощи некоторых устойчивых сочетаний слов, например: *rn.f, rn.š* 'имя его, имя ее' или (о предметах) 'название его, название ее' (т. е. 'по имени,

по названию'), которые ограничивали аппозитивное сочетание своим положением после последнего члена этого сочетания (ср. сходный случай образования сочинительных сочетаний при помощи слов-показателей вида сочинительного отношения, стр. 242—243):

(4) *ndš ddj rn.f* (Westc. VII, 1) 'неджес по имени Джели' (букв. 'неджес, Джели имя его');

(5) *°t šjptj rn.š* (Westc. IX, 5) 'комната по названию Сипти' (букв. 'комната, Сипти имя ее').

В таких сочетаниях указанные устойчивые единицы (*rn.f/š*) являются показателями аппозитивной связи.

Необходимо отметить, что в египтологической литературе эти единицы принято рассматривать как субъект неглагольного предложения со сказуемым — именем существительным¹⁵. Этому же мнению придерживался и автор данной работы до изучения явлений египетского языка с точки зрения теории сочетаний слов¹⁶. Но для приравнивания выражений *rn.f/š* к субъекту именного предложения нет оснований, так как при их помощи осуществляются только отношения в сфере аппозитивного сочетания, а сами они не являются членами предложения (как, например, предлоги). На это указывают примеры, если их рассматривать в контексте предложений. Например, Г. Лефевр приводит следующий пример из папируса Эберса:

(6) *mt šspw rn.f* 'сосуд по названию Шеспу («Берущий»).

Если взять полностью предложение, из которого выделен этот пример, то становится ясным, что *rn.f* не является субъектом предложения:

(7) *in mt šspw rn.f irr št* (Eb. 99, 18—19) 'этот сосуд по названию «Берущий» делает это'.

В данном предложении со сказуемым — причастием, введенным частицей *in* (*in...irr...*), субъектом выступает имя существительное *mt* 'сосуд', а с помощью *rn.f* к нему присоединяется приложение — название сосуда.

К этому же способу аппозитивной связи следует отнести соединение компонентов при помощи более сложных конструкций: *rn.f nfr* 'имя его доброе' (т. е. 'употребительное'), *rn.f ndš* 'имя его маленькое' (т. е. 'уменьшительное') и др. В отличие от *rn.f/š* эти конструкции вводят только имена лиц и стоят лишь между членами аппозитивного сочетания:

(8) *°m rn.f nfr pth-wr* (Sinai LXXXVI, 414) 'Аам, имя его доброе Петехур' (т. е. 'Аам по употребительному имени Петехур').

Своеобразие показателей аппозитивного сочетания заключается в том, что связь между показателями и приравниваемым членом осуществляется при помощи местоимения-суффикса, ко-

торый в роде и числе соответствует имени существительному, выступающему в роли этого компонента. Такую связь можно назвать аналитической, а сами показатели — аналитическими показателями.

Показатели аппозитивного сочетания, образованные при помощи имени существительного *rn* 'имя', следует, конечно, отличать от других возможностей употребления этого существительного как главного компонента подчинительного сочетания (ср. вар. III *n*-словосочетаний) и других конструкций с этим существительным (*m rn.f n...* и т. п.).

В соответствии с указанными способами синтаксической связи можно выделить следующие типы аппозитивных сочетаний:

- 1) аппозитивные соположенные сочетания;
- 2) аппозитивные сочетания с аналитическими показателями аппозитивной связи.

Встречаются случаи, когда некоторые соединения слов (по крайней мере в письменности) внешне весьма напоминают аппозитивные сочетания, но не являются ими, так как для компонентов аппозитивных сочетаний характерны не только указанные способы связи, но и определенные синтаксические отношения.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ АППОЗИТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Как мы видели выше, относительно общего значения аппозитивных сочетаний были высказаны самые различные точки зрения. Синтаксические отношения между членами аппозитивных сочетаний определялись как «атрибутивные», «аппозитивные» и т. д.

Для решения вопроса о сущности синтаксических отношений, которые возникали между компонентами аппозитивного сочетания в египетском языке, добавим к приведенным выше еще несколько примеров:

(9) *imn-r°* (Urk. IV, 687, 2) 'Амон-Ра';

(10) *sš tntj* (Urk. I, 157, 15) 'писец Ченти';

(11) *t; w; w; t* (Urk. I, 133, 10) 'земля (страна) Вават';

(12) *r° nb t; . w* (Sin. B 273) 'Ра, владыка стран';

(13) *h; š. t škmm rn.š* (Les. 83, 9) '[чужеземная] страна по названию Секмем';

(14) *s-n-wšr.t-šnb rn.f nfr itj* (Sinai XI, 24, 4—5) 'Сенусерт-сенеб, имя его доброе Ита'.

Эти примеры свидетельствуют прежде всего о том, что перед нами сочетания имен существительных (или субстантивных словосочетаний). Первый пример (9) показывает тесное сочетание двух имен существительных, передающих собственные имена (*imn-r°*). В следующем примере (10) тоже налицо сочетание двух имен существительных, но на этот раз нарицательного, обозначающего должность, и собственного (*sš tntj*). В третьем

¹⁵ Erman, Gramm., § 470a; G. Gramm., § 127, 1; L. Gramm., § 605, b.

¹⁶ П. Грамм., § 195, 1.

примере (11) имеет место сочетание нарицательного имени, обозначающего место, и его собственного названия ($t; \omega; \omega; t$). Четвертый пример (12) представляет собой сочетание имени собственного и субстантивного словосочетания ($r^c nb t; \omega$). В предпоследнем примере (13) сочетающиеся слова объединены с помощью показателя аппозитивного сочетания — $rn.š$ 'название ее'. Как и в примере (11), здесь сочетаются нарицательное имя, обозначающее место, и его собственное название ($h; š; t škmm rn.š$). Наконец, в шестом примере (14) два собственных имени соединены в аппозитивном сочетании с помощью конструкции $rn.f nfr$ 'имя его доброе'.

Все эти примеры ясно показывают, что синтаксические отношения между компонентами сочетаний нельзя определить ни как подчинительные, ни как сочинительные. Об отсутствии подчинения говорит невозможность выделения в аппозитивных сочетаниях главного, управляющего и второстепенного, управляемого слов, т. е. независимого и зависимого членов. Нельзя считать также эти отношения соединительными, разделительными или присоединительными, т. е. отнести эти сочетания к разряду сочинительных, хотя их компоненты являются равноправными знаменательными словами по отношению друг к другу. Слова эти равноправны, но не однородны, как в сочинительных сочетаниях, т. е. они объединены не на основе одного и того же отношения к члену предложения, а представляют собой единое целое, в котором один компонент является членом какого-либо словосочетания или предложения, а другой связан только с этим членом.

Далее, нельзя согласиться с мнением Шпигеля, что в аппозитивных сочетаниях «обозначаемое первым именем тождественно обозначаемому прилагаемым именем», т. е. с тем, что в этих сочетаниях между компонентами существовали отношения тождественности. Достаточно снова обратиться к нашим примерам, чтобы убедиться, что в первом примере (9) обозначаемое первым именем абсолютно не тождественно обозначаемому вторым: Амон и Ра, как известно, совершенно различные божества. Во втором примере (10) имена существительные «писец» и «Ченти» тоже обозначают понятия не тождественные, так как должностью писца могло обладать не только лицо с именем Ченти и т. д.

В отношении к египетскому языку не во всех случаях можно применить также вывод, что приложение дает другое название определяемому имени существительному или представляет собой другое обозначение последнего. В некоторых случаях, действительно, можно считать, что один компонент дает иное название другому компоненту (например, «писец» — это другое обозначение египтянина Ченти и т. д.). Но в других случаях такой вывод явно не подходит [в примере (9) Ра — это не другое название или обозначение Амона]. Следовательно, указанное определение приложения не дает возможности сделать вывод об

общем характере синтаксических отношений в аппозитивном сочетании.

По нашему мнению, все указанные выше примеры (в особенности тесные аппозитивные сочетания, столь характерные для египетского языка, типа $imn-r^c$ 'Амон-Ра') свидетельствуют о том, что значение аппозитивных сочетаний заключалось в отождествлении двух понятий.

Так, в примере (9) местное божество Амон отождествляется со всеегипетским богом солнца — Ра, в результате чего возникает новое единство — общегосударственный бог Амон-Ра. В примере (10) собственное имя некоего лица приравнивается к нарицательному имени — названию должности, которую занимало это лицо. В примере (11) понятие места, выраженное нарицательным именем, которое охватывает однородные предметы («страна»), отождествляется с единичным географическим понятием, переданным именем собственным («Вават»). В примере (13) приравнение того же самого характера осуществляется посредством показателя отношения. Таким образом, синтаксические отношения между членами аппозитивного сочетания представляют собой совершенно особый тип отношений, которые можно назвать отождествительными, или приравнительными, отношениями. Поэтому и сочетания слов, в которых устанавливаются такие отношения, можно определить как приравнительные сочетания, а приравнительные отношения между членами приравнительных или аппозитивных сочетаний графически выражать знаком $= >$ или $= <$. Например, в случае (9): $A_1 = > A_2$, т. е. « A_1 приравнивается к/отождествляется с A_2 », а в случае (10), наоборот, $A_1 = < A_2$, т. е. « A_2 приравнивается к/отождествляется с A_1 ».

Вывод о характере синтаксических отношений, возникавших в аппозитивных сочетаниях, дает еще один важный критерий для решения вопроса о принадлежности того или иного сочетания слов к аппозитивным сочетаниям. Лишь при наличии двух условий, т. е. одного из типов связи компонентов и приравнительных отношений между последними, можно говорить об аппозиционном сочетании. Более детальное изучение аппозитивных сочетаний связано с комплексом вопросов, касающихся компонентов сочетаний.

ЧЛЕНЫ ПРИРАВНИТЕЛЬНЫХ (АППОЗИТИВНЫХ) СОЧЕТАНИЙ

При изучении аппозитивных сочетаний важным является вопрос об их компонентах, т. е. о функции и положении компонентов относительно друг друга, степени их спаянности и т. п.

Функцию членов аппозитивных сочетаний, как и других сочетаний слов, можно установить лишь на основе определения характера синтаксических отношений между членами сочетания. Как указывалось выше, в аппозитивных сочетаниях не пред-

ставляется возможным выделить независимый и зависимый члены, как в подчинительных сочетаниях, или равноправные, однородные члены, как в сочинительных сочетаниях. В предыдущем разделе мы пришли к выводу, что в аппозитивных сочетаниях египетского языка между компонентами существовали приравнительные, или отождествительные, отношения. Поэтому, по нашему мнению, в каждом аппозитивном сочетании следует различать то, что приравнивается, отождествляется, т. е. приравниваемый, отождествляемый член, и то, к чему приравнивают, с чем отождествляют, т. е. приравнительный, отождествительный член.

Так, например, возвращаясь к нашим примерам, можно сказать, что в примере (9), формула которого $A_1 \Rightarrow A_2$, A_1 является приравниваемым членом, а A_2 — приравнительным, а в другом (10) примере $A_1 \Leftarrow A_2$ приравнительным членом является A_1 , а приравниваемым — A_2 .

В предложении именно приравнительный член аппозитивного сочетания выступает как приложение.

Приравниваемый член в египетском языке может выражаться не только именем существительным, но и субстантивным сочетанием или субстантивированным предложением, выступающим в роли собственного имени, ср. примеры (2), (3), а также:

(15) *sš h^c-m-w; š.t* (P. 1116 A pt., 148) 'писец Хаэмвесе («Воспевающий в Фивах»)'.

Приравнительный член в еще большей степени, чем приравниваемый, был склонен к выражению субстантивными сочетаниями (подчинительными и сочинительными) и субстантивированными предложениями, выступающими, например, в качестве названия предмета:

(16) *imn nb nš.wt t; wj* (Urk. IV, 137, 13) 'Амон, владыка престолов обеих Земель';

(17) *mr nfr-w; wt-h^c-k; w-r^c rn.f* (Les. 85, 11) 'канал, «Прекрасны дороги Хакаура» имя его' (т. е. 'канал по названию «Прекрасны дороги Хакаура»').

В целом же компоненты аппозитивных сочетаний египетского языка могут быть выражены либо именами существительными, либо субстантивными образованиями, т. е. носят только субстантивный характер. Этот вывод, как и заключение о способе связи компонентов и характере синтаксических отношений, тоже представляется важным при решении вопроса об отнесении конкретных примеров к аппозитивным сочетаниям. Поэтому, например, вопреки мнению, высказанному Гардинером¹⁷, мы полагаем, что имя существительное не может следовать «в аппозиции» к местоимению-суффиксу. Антиципация местоимения-суффикса — явление совершенно иного порядка. Между местоимением-суффиксом и следующим за ним именем существительным нет

¹⁷ G. Gramm., § 90.

приравнительных отношений, так как местоимение-суффикс необходимо указывает на то же лицо, которое называет имя существительное. Нет места приравнительным отношениям и при так называемой *Badal-Apposition*. В этих случаях речь может идти об интересном явлении египетского языка, которое мы считаем эмфазисом члена словосочетания и на котором мы остановимся в конце этой главы.

По степени спаянности компонентов аппозитивные сочетания можно считать тесными, хотя, может быть, в целом и менее тесными, чем аналитически соположенные словосочетания (стр. 39). Но среди аппозитивных сочетаний встречаются группы, в которых компоненты связаны столь тесно, что разрыв между ними абсолютно невозможен, как, например, в примере (9) или в следующем сочетании:

(18) *s.t-hm.t* (P. Berl. Mus. 3024, 98) 'женщина'.

Но несмотря на столь тесную спаянность компонентов, которые создают единое понятие, между словами, которыми они выражены, нет семантического равенства, и выделение приравнительного члена не представляет трудности: им является второй компонент.

В других случаях в составе предложения приравниваемый член мог иногда отделяться от приравнительного, что отметил Гардинер, подчеркнув в первой строке параграфа об аппозиции, что «слова в аппозиции могут быть отделены одно от другого другими словами»¹⁸. Однако примеры разрыва компонентов столь немногочисленны, что трудно установить какие-либо закономерности. Но один вывод можно сделать более или менее определенно: разрыв аппозитивного сочетания возможен лишь в тех случаях, когда приравнительный член находится перед приравниваемым, т. е. в случае формулы: $A_1 \Leftarrow A_2$. На это указывают примеры, первый из которых приведен Гардинером, а второй — Лефевром¹⁹:

(19) *r ntr r ; h.t.f n-šw.t-bj.t šhtp-ib-r^c* (Sin. R 6) 'взошел бог на небосклон свой, царь Верхнего и Нижнего Египта Схотепабра';

(20) *s; f šmšw m hrj.irj ntr nfr s-n-wšr.t* (Sin. R 12—13) 'сын его старший [был] во главе его [войска], бог добрый Сенеурт'.

Независимо от этого вывода следует остановиться на последнем и крайне важном вопросе о положении членов аппозитивных сочетаний относительно друг друга. Из предыдущего изложения и примеров можно заключить, что приравнительный член в отношении к приравниваемому мог находиться и в постпозиции и в препозиции. Как правило, приравнительный член следовал за приравниваемым. На это указывает большинство

¹⁸ Там же.

¹⁹ G. Gramm., § 90; L. Gramm., § 135.

приведенных выше примеров, в частности примеры (9), (18) с формулой $A_1 = > A_2$, и примеры (12), (16), в которых приравнительный член представляет собой аналитически соположенное словосочетание. К аппозитивным сочетаниям с постпозицией приравнительного члена следует отнести и все примеры с аналитическими показателями аппозитивной связи. Последние располагаются в определенном порядке в отношении членов аппозитивного сочетания. Показатель *rn.f/š* замыкает аппозитивное сочетание, т. е. стоит после приравнительного члена. Примеры (4), (5), (6), (13), (17) могут быть выражены формулой $[A_1 = > A_2]$ *rn.f/š*.

Как было отмечено выше, местоимения-суффиксы при слове «имя» относятся к одному из компонентов, т. е. согласуются с ним в роде и числе. С каким же членом, приравниваемым или приравнительным, согласуются эти местоимения-суффиксы? Обычно это трудно решить, так как чаще всего оба члена представлены именами существительными одного рода. Лишь в случае несовпадения рода сочетающихся слов (когда аппозитивное сочетание состоит из имени нарицательного, обозначающего место или предмет одного рода, и имени собственного — названия этого места или предмета другого рода) можно ответить на этот вопрос. Примеры, в том числе приведенный выше (5) — *°t šjptj rn.š* 'комната по названию Сипти', приводят к заключению, что местоимения-суффиксы согласуются с приравниваемым членом — именем нарицательным, обозначающим место или предмет, а не с собственным именем — названием этого места или предмета, выступающими как приравнительный член.

Правда, авторы перевода медицинских текстов обращают внимание на редчайший пример согласования местоимения-суффикса с приравнительным членом:

(21) *šmω šn-ωt.t rn.š* [Grundriss IV, 2, S. 120 (Eb. 294, Note 6)] 'растение, Сенутет название ее'.

Но этот единственный пример, являющийся, возможно, опиской, не может изменить вывода.

Вопрос о согласовании местоимения-суффикса в показателях, представляющих более сложные конструкции, не может быть поставлен, так как они связывали лишь разные собственные имена одного лица. Эти показатели стоят между членами аппозитивного сочетания, т. е. перед приравнительным членом. Примеры (8), (14) могут быть сведены к формуле: $A_1 = > [rn.f nfr] = > A_2$.

В некоторых определенных случаях порядок членов аппозитивного сочетания иной, т. е. приравнительный член находится перед приравниваемым. К этим случаям относятся такие важные и частые примеры, как препозиция приравнительных членов — имен нарицательных — или словосочетаний, обозначающих титулы, должности, отношения родства, народность и т. п., когда приравниваемым членом является собственное имя лица [ср. примеры (1), (2), (3), (10), формула которых: $A_1 = > A_2$]. Встречаются,

однако, примеры, когда приравнительный член, обозначающий титул, отношение родства и т. п., выступает после собственного имени лица. В одном и том же тексте можно найти:

(22) *s; n-šw.t hr-dd.f* (Westc. VI, 22) 'царевич Хордедеф';

(23) *hr-dd.f s; n-šw.t* (Westc. VIII, 23) 'Хордедеф, царевич'.

Последний пример (23) не нарушает правила, по которому титулы, должности и т. п. выступают как приравнительные члены перед приравниваемым членом — именем собственным. Подобные случаи, встречающиеся в текстах в прямой речи, вкрапленной в повествование, свидетельствуют о другой закономерности, согласно которой приравнительные члены, являющиеся средством экспрессивно-эмоциональной характеристики приравниваемого компонента со стороны говорящего, следуют в постпозиции, т. е. подчиняются формуле первой группы: $A_1 = > A_2$.

В лингвистической литературе принято считать название мест и предметов приложением к нарицательным именам, т. е. с точки зрения аппозитивного сочетания — приравнительными членами. И все же вопрос о функции и положении членов аппозитивного сочетания в египетском языке относительно друг друга, если один из членов является названием места или предмета, а другой — нарицательным именем со значением места или предмета, требует пристального внимания.

В свое время мы уже отметили тот факт, что название места (города, страны, потока и т. п.) и предмета (ладьи, например) могло вводиться при помощи *n*-словосочетания (вар. XXIV, XXV). Положение членов таких словосочетаний не вызывает никаких сомнений: собственные имена — названия места или предмета — как зависимые члены стоят на втором месте.

Примеры (11) и (13), приведенные выше, указывают на то, что нарицательное имя со значением места и собственное имя — название этого места — могли находиться и в аппозитивном сочетании, как соположенном (*t; ω; ω; t* 'страна Вават'), так и с аналитическим показателем аппозитивной связи: *rn.f/š* 'название его/ее' (*h; š; t škmm rn.š* 'страна по названию Секмем'). Имена существительные, обозначающие предмет, и название этого предмета тоже могли находиться в аппозитивных сочетаниях указанных типов [ср. выше, пример (6): *mt šspw rn.f* 'сосуд по названию Шеспу'].

В отношении случаев с показателями аппозитивной связи вопрос, видимо, решается просто. Нет сомнения, что действительно название места или предмета является приравнительным членом (в предложении — приложением), который находится в постпозиции к приравниваемому члену — имени нарицательному со значением места или обозначающему предмет. На это указывает показатель связи *rn.f/š*, стоящий после приравнительного члена, а иногда и местоимение-суффикс, согласующийся с приравниваемым членом.

Что же касается случаев, когда нарицательные имена, обо-

значающие место или предмет, находятся в аппозитивном соположенном сочетании с собственными названиями, то египетский язык не дает решительно никаких оснований считать эти названия мест или предметов приравнительными членами (т. е. приложениями в предложении), точно также как и имена собственные лиц в сочетании с обозначением титула, должности и т. п. С нашей точки зрения названия мест и предметов в соположенных аппозитивных сочетаниях следует рассматривать как приравняемые члены, а имена нарицательные, обозначающие место или предмет, — как некие «титулы», т. е. как приравнительные члены. Поэтому формулой таких сочетаний мы можем признать тоже: $A_1 \leq A_2$.

Если это так, то тогда в египетском языке существовала любопытная закономерность во взаимоотношениях нарицательных и собственных имен в аппозитивных сочетаниях в зависимости от способа связи компонентов: в аппозитивных соположенных сочетаниях имена собственные (имена лиц и названия мест и предметов) являются приравняемыми членами, а нарицательные — приравнительными (в предложении — приложениями), а в аппозитивных сочетаниях с аналитическими показателями аппозитивной связи имена собственные (имена лиц и названия мест и предметов) выступают, наоборот, в качестве приравнительных членов (приложения — в предложении), а нарицательные — приравняемых.

Наконец, следует отметить, что часто встречаются примеры, когда к одному приравняемому члену относятся два приравнительных: один в постпозиции, другой — в препозиции ($A_1 \leq A_2 = > A_3$) например:

(24) *nb ntr.w imn nb ns.wt t;wj* (Urk. IV, 139, 14) 'владыка богов Амон, владыка престолов Обеих Земель'.

Подобные примеры не представляют собой каких-либо исключений. Оба приравнительных члена расположены по отношению к приравняемому по обычным правилам, которые были обсуждены выше. Строго говоря, здесь мы имеем «сложение» двух формул: $A_1 \leq A_2$ и $A_2 = > A_3$.

Любопытны, но тоже не представляют отклонений примеры включения двух приравнительных членов к одному приравняемому с помощью показателей связи, например:

(25) *sš pr^c; rn.f^c; n(j)-š-nh-; h.t(j) rn.f nfr itj* [Hass. Giza III, 124 (fig. 108)] 'Писец Великого дома, по имени великому Ниэсанехахти, по имени доброму Ичи'.

В разделе о внутренней форме аппозитивных сочетаний в соответствии со способом связи компонентов были установлены два основных типа аппозитивных сочетаний: аппозитивные соположенные сочетания и аппозитивные сочетания с аналитическими показателями связи компонентов. Изложенные выше соображения по поводу компонентов аппозитивных сочетаний, прежде всего относительно положения компонентов относительно

друг друга, позволяют классифицировать аппозитивные сочетания египетского языка более детально и разделить их на следующие группы:

1) аппозитивные соположенные сочетания с постпозицией приравнительного члена;

2) аппозитивные соположенные сочетания с препозицией приравнительного члена;

3) аппозитивные сочетания с аналитическими показателями способа связи после приравнительного члена;

4) аппозитивные сочетания с аналитическими показателями способа связи перед приравнительным членом.

АППОЗИТИВНЫЕ СОПОЛОЖЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ПОСТПОЗИЦИЕЙ ПРИРАВНИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА

Среди аппозитивных соположенных сочетаний, построенных по формуле $A_1 = > A_2$, можно выделить семь основных вариантов частых значений:

I. Приравнение имени существительного (A_1), обозначающего лицо, божество, совокупность лиц, божеств, к субстантивному словосочетанию, обозначающему положение в иерархии, род занятий, общественное положение и т. п.:

šnfrw ntr^c; (Sinai II, 5) 'Снефру, бог великий'; *h^c-k; w-r^c hr.n* (Kah. 1, 2) 'Хакаура, Хор наш'; *wrr.t nb.t pwr.t* (Sin. B 209—210) 'Уререт, владычица Пунта'; *rmṯ^c.wt n.t ntr* (P. 1116 A rt., 131) 'люди, паства бога'.

Примечание. В египтологической литературе то, что является приравнительными членами указанных сочетаний, считается «обычной аппозицией».

II. Приравнение имени существительного (A_1), обозначающего собственное имя лица или божества, к субстантивному словосочетанию ($A_2 = > A_3$), обозначающему составное понятие родства:

tm it ntr.w (Pyr. 1521a) 'Атум, отец богов'; *h.t-hr mw.t ntr* (Urk. IV, 303, 16) 'Хатхор, мать бога'; *hk;ib s; pr-idbj* (Urk. VII, 10, 11) 'Хекаиб, сын Пенидби'; *hr s; š.t* (Urk. IV, 896, 13) 'Хор, сын Исиды'.

Примечания. 1. Субстантивные словосочетания, обозначающие составное понятие родства, обычно представляли собой аналитически соположенные словосочетания (вар. VI, VII) и лишь в исключительных случаях *n*-словосочетания (вар. XII).

2. Последние два примера относятся к одному из способов указания филиации, который называют прямым (в отличие от инверсивного, см. ниже, прим. к вар. II/IX). При этом способе филиации имя отца/матери ставилось после имени сын/дочери. В своей статье²⁰ о способах филиации в письменности Среднего царства О. Д. Берлев установил, что при прямом способе указания филиации было значимым каждое имя. Поэтому как имя, так и отчество могло иметь эпитеты и титулы. О. Д. Берлев установил также право-

²⁰ О. Д. Берлев, *Способы указания филиации в письменности Среднего царства*, — «Палестинский сборник», вып. 9 (72), 1962, стр. 13—42.

писание слова *s*; 'сын' в этом виде указания филиации и сделал ряд других ценных наблюдений.

С точки зрения теории сочетаний слов представляется любопытным, что прямой способ, существовавший в разговорном египетском (старо- и средне-египетском) языке как основной (и как единственный в новоегипетском), входит в систему аппозитивных сочетаний с формулой: $A_1 = > A_2$.

III. Приравнение имени существительного (A_1), обозначающего собственное имя лица, божества, к сочетанию имени существительного, обозначающего родство или близкие отношения, с соотношенным с говорящим местоимением-суффиксом 1-го лица единственного числа:

d; d; m-nh šn.j (Westc. VI, 1) 'Джаджаэманех, брат мой'; *nfrtj hnmš.j* (P. 1116 B rt., 12—13) 'Неферти, друг мой'; *b; j šn.j* (P. Berl. Mus. 3024, 52) 'Ба мой, брат мой'.

Примечание. Отнесение подобных примеров к особому варианту вызвано тем, что в них приравнение является средством выражения экспрессивно-эмоционального отношения говорящего, а не отражением истинного родства или близкого отношения. Так, Джаджаэманех не является на самом деле братом царя, но назван так самим царем в знак особого благоволения; Неферти, которого царь видит в первый раз, тоже назван «другом» условно. Изредка, иррава, встречаются совпадения с указанием истинного родства, например: *hr-dd.f s; j* (Westc. VII, 8) 'Хордедеф, сын мой'. Действительно, Хордедеф является сыном царя, который ведет речь. Но соотношение местоимения-суффикса с говорящим указывает на то, что целью приравнения является не указание этого родства, которое ясно из контекста, а желание выразить расположение.

IV. Приравнение имени существительного (A_1), обозначающего лицо, к субстантивному словосочетанию, в котором независимым членом являются имена существительные «женщина», «человек», «люди» в ослабленном лексическом значении:

hm.t.j s.t n.t gš-i; b (Les. 90, 22) 'жена моя, женщина из Гес-Иаба'.

Примечание. В данном частном значении указанные слова («женщина» и др.), вводящие приравнительный компонент, являются только служебным средством для указания происхождения, положения и т. п. лица, обозначенного в приравниваемом члене.

V. Приравнение имени существительного (A_1), обозначающего лицо, живое существо, растение, предмет, пол которого по какому-либо причинам требует пояснения, к имени существительному (A_2) «женщина», «мужчина»:

s.t-hm.wt (Westc. V, 9) 'женщины' (букв. 'женщины-жены'); *šw.t-hm.t* (Eb. 94, 15) 'ситник' (букв. 'ситник-женщина'); *nhšj.w-t; j.w* (Urk. IV, 695, 12) 'нубийцы' (букв. 'нубийцы-мужчины'); *šjn-t; j* (Eb. 82, 20) 'глина', (букв. 'глина-мужчина').

Примечание. Причины, по которым отдельные слова требовали приравнения к словам, в которых четко отражена принадлежность к полу, были, без сомнения, разными. В первом примере приравнение, возможно, понадобилось для того, чтобы слово *s.t* 'женщина' не было понято по-иному, в связи с отпадением окончания женского рода *.t*. В третьем примере явно видно стрем-

ление через приравнение подчеркнуть важность захвата нубийцев-мужчин (а не женщин). Последний пример, как думают, был связан с какими-то представлениями древних египтян, которые различали «пол» минералов.

VI. Приравнение имени существительного (A_1), обозначающего лицо, возрастная категория которого требует пояснения, к имени существительному (A_2) «птенец», «ребенок»:

hrd-t; j (M. и K. PRs. 2, 2) 'дитя' (букв. 'ребенок-птенец'); *hm.t-hrd* (Prisse 14, 4) 'девочка' (букв. женщина-ребенок).

Примечание. Указание на возрастную группу животных создавалось с помощью *n*-словосочетания, в котором слово «птенец» («детеныш») и другие выступали в качестве независимого члена (вар. XII).

VII. Приравнение имени существительного (A_1), обозначающего собственное имя божества, к имени существительному (A_2), обозначающему собственное имя другого божества:

imn-r^c (Urk. IV, 86, 12) 'Амон-Ра'; *wšjr-hntj imntj.w* (Urk. I, 98, 9) 'Осирис-Хентииментиу'; *mnw-hr* (Sin. B 209) 'Мин-Хор'.

Примечание. Три последних варианта частных значений аппозитивных соположенных сочетаний с постпозицией приравнительного члена (V, VI, VII) создавали тесные сочетания, близкие по спаянности компонентов к несвободным словосочетаниям и сочинительным сочетаниям.

АППОЗИТИВНЫЕ СОПОЛОЖЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С ПРЕПОЗИЦИЕЙ ПРИРАВНИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА

Среди аппозитивных соположенных сочетаний, построенных по формуле $A_1 < = A_2$, можно выделить четыре основных варианта частных значений.

I/VIII. Приравнение имени существительного (A_2), обозначающего собственное имя лица, божества, к имени существительному или субстантивному словосочетанию, обозначающему титул, должность, принадлежность к социальной группе, профессию и т. п.:

n-šw.t-bjt dšr (Westc. I, 14) 'царь Верхнего и Нижнего Египта Джесер'; *kd inj* (Urk. I, 158, 6) 'Каменщик Ини'; *imj-r; sš(w) šndm* (Sinai IX, 17) 'начальник писцов Сенеджем'; *m.t rhj* (Hayes VIII, 7) 'азиатка (т. е. рабыня азиатского происхождения) Рехи'; *idnw mh* (Urk. IV, 897, 17) 'заместитель Мех'.

Примечание. См. ниже, вар. I/XII, в котором, наоборот, собственное имя лица выступало как приравнительный член.

II/IX. Приравнение имени существительного (A_2), обозначающего собственное имя лица или божества, к субстантивному словосочетанию, обозначающему составное понятие родства:

s; r^c s-n-wšr.t... (Urk. VII, 14, 14) 'сын Ра Сенусерт'; *s; h; tj-^c hnmw-htp* (Urk. VII, 36, 20) 'сын князя Хнумхетеп'; *it.j h(w)f.w...* (Westc. I, 17) 'отец мой Хуфу...'; *šn.f šth* (Eb. I, 13) 'брат его Сэт'; *s; nhrj hnmw-htp* (Urk. VII, 25, 18) 'сын Нехри

Хнумхетеп'; *s; imnj imn-c*; (P. 1115, 189) 'сын Имени Именаа'; *s; m̄w nnšj* (Sin. В 30) 'сын Аму Ненши'.

Примечания. 1. В староегипетском языке приравнительный член — понятие родства — мог быть выражен, по-видимому, одним именем существительным, например:

m̄w.t nbs̄n.t (Urk. I, 2, 9) 'мать Небсенет'.

2. Субстантивные словосочетания, обозначающие составное понятие родства, представляли собой, как правило, аналитически соположенные словосочетания (вар. VI, VII), но иногда в этой роли могли выступить словосочетания иных типов, например:

t; j.j hm.t šnb.t(j).šj (Hayes XIV, 1) 'моя жена Сенебтиси'.

Как было отмечено в характеристике частного значения вар. VI аналитически соположенных словосочетаний, в случае, если зависимый член выражал понятия «царь» или «бог», были возможны графические перестановки «почета ради», например:

s; n-šw.t ḥ^c.w.f-r^c (Westc. I, 17) 'сын царя Хауфра';

s; r^c imn-m-h; t (Les. 81, 13) 'сын Ра Аменемхет'.

3. Последние три примера варианта относятся к способу указания филиации, который называют инверсивным (*Inverted filiation*) в отличие от прямого (см. выше, прим. 2 к вар. II). При инверсивном указании филиации имя отца/матери ставилось перед именем сына/дочери. В указанной выше ценной статье о способах филиации в письменности Среднего царства. О. Д. Берлев показал, что при инверсивной филиации имя отца/матери играло меньшую роль по сравнению с именем сына/дочери, т. е. выступало как «титул» при собственном имени. Он установил также факт непосредственного примыкания имен и отсюда чтение инверсионной конструкции *s; x, y* (где *x* — имя отца, а *y* — имя сына), правописание слова *s; 'сын'*.

В написании имя отца, видимо, «почета ради» выписывалось перед словом «сын» (ср. с примерами предыдущего примечания). О. Д. Берлев делает вывод, что инверсивная филиация была чужда разговорному языку и использовалась только в документах и официальных надписях. С этим трудно спорить, но для нас представляется крайне важным тот факт, что инверсивный способ указания филиации был основан на возможности, заключенной в формуле определенного типа аппозитивного сочетания $A_1 \leftarrow A_2$, как прямой — на формуле $A_1 \rightarrow A_2$. Считается, что инверсивный способ филиации существовал лишь с начала 4-й династии и вплоть до позднего Среднего царства. Однако, по нашему мнению, этот способ существовал и ранее. Он заключался в так называемом староегипетском способе филиации, который соответствует тому же инверсионному способу, но с эмфазисом зависимого члена в словосочетании *s; x* и заменой этого члена соответствующим местоимением-суффиксом (см. ниже, последний раздел этой главы).

III/X. Приравнение имени существительного, обозначающего название мест (стран, областей Египта, рек и т. п.), к имени нарицательному, обозначающему это место:

t; w; w; t (Urk. I, 133, 10) 'страна Вават'; *h; s; t r̄tnw* (Urk. IV, 696, 16) 'страна [чужеземная] Речену'; *w dd-š.wt* (P. 1116 A rt., 101) 'область Дждесут' (т. е. 'Мемфисская область'); *iw šnfrw* (Sin. R 33) 'остров Снефру'; *itrw phr-wr* (Urk. IV) 'поток «Поворот великий» (Евфрат)'.

Примечания. 1. При помощи *n*-словосочетания (вар. XXIV) создавалось синонимическое значение («отношение места к его собственному названию»). Лишь как будто название города вводилось только при помощи *n*-словосочетания, т. е. путем указания принадлежности города его названию, а не приравнения названия места к имени нарицательному, обозначающему город.

2. Ср. также ниже, вар. II/XIII, в котором в качестве приравняемого члена выступило имя нарицательное, обозначающее географическое понятие (страну).

IV/XI. Приравнение имени существительного, обозначающего название предмета, к имени нарицательному, обозначающему этот предмет:

inb.w ḥk; (Sin. В 17) 'стены «Властитель»' (укрепление на северо-восточной границе Египта); *šb; °; imn šhm f; w* (Urk. IV, 56, 8) 'врата большие «Амон, мощный величием»'; *p; imw mht j* (Urk. IV, 3, 2) 'корабль «Северный»'.

Примечания. 1. Ср. вар. XXV *n*-словосочетаний, при помощи которого создавалось отношение предмета к его собственному названию.

2. Создается впечатление, что если для названия предмета было использовано имя царя, то при написании оно выдвигалось «почета ради» перед именем нарицательным, обозначающим предмет. В частности, это явление находит, видимо, отражение в названиях пирамид, например:

mr kbḥw-šps̄s-k; f (Urk. I, 239, 14) 'пирамида «Прохлада Шепсескафа»'.

3. См. ниже, вар. III/XIV, в котором название предмета являлось приравнительным членом.

АППОЗИТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С АНАЛИТИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ СВЯЗИ ПОСЛЕ ПРИРАВНИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА

Среди аппозитивных сочетаний с аналитическими показателями способа связи после приравнительного члена, т. е. формулой $[A_1 = > A_2]$ *rn.f/š*, можно выделить три основных варианта частных значений.

I/XII. Приравнение имени существительного или субстантивного словосочетания, обозначающего титул, должность, принадлежность к социальной группе, профессию и т. п., к имени существительному, обозначающему собственное имя лица:

ndš ddj rn.f (Westc. VII, 1) 'неджес по имени Джели'.

Примечания. 1. В связи с присутствием показателя способа связи эти аппозитивные сочетания наименее тесные из всех, и между их компонентами в составе предложения свободно могут вклиниваться другие члены предложения, например:

iw hrj-ḥb(t) °; n b; s; t itj nb.n nfrtj rn.f (P. 1116 B rt., 9—10) 'есть Херихеб великий Бастет, государь, владыка наш, по имени Неферти'.

2. Ср. вар. I/VIII, в котором собственное имя лица выступало в качестве приравняемого члена, а также ниже, вар. II/XVI.

II/XIII. Приравнение имени существительного, обозначающего географическое понятие (страну), к имени существительному, обозначающему название этой страны:

h; s; t škmm rn.š (Les. 83, 9) 'страна по названию Секмем'; *t; p̄w nfr i; ; rn.f* (Sin. В 81) 'эта страна прекрасная по названию Иаа'.

Примечание. Ср. выше, вар. III/X, в котором название страны являлось приравняемым членом.

III/XIV. Приравнение имени существительного, обозначающего предмет, к имени существительному, обозначающему название этого предмета:

mt šspw rn.f (Eb. 99, 18—19) 'сосуд по названию Шеспу («Берущий»); *ᶜ.t šjptj rn.š* (Westc. IX, 5) 'комната по названию Сипти'.

Примечание. Ср. выше, вар. IV/XI, в котором название предмета являлось приравняемым членом.

АППОЗИТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ С АНАЛИТИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ СВЯЗИ ПЕРЕД ПРИРАВНИТЕЛЬНЫМ ЧЛЕНОМ

К данным аппозитивным сочетаниям с формулой $A_1 = > [rn.f nfr]^c; [ndš] = > A_2$ можно отнести два варианта частных значений.

I/XV. Приравнение имени существительного, обозначающего собственное имя лица, к имени существительному, обозначающему другое собственное имя (употребительное, уменьшительное) этого же лица:

imnj rn.f nfr sšn (Sinai XXXIII, 98) 'Имени, имя его доброе Зешнен'; *ppj-nht rn.f nfr hk;lb* (Urk. I, 135, 7) 'Пиопинахт, имя его доброе Хекаиб'.

II/XVI. Приравнение имени существительного или субстантивного словосочетания, обозначающего титул, должность, составное понятие родства, к имени существительному, обозначающему собственное имя лица (полное, употребительное, уменьшительное):

sš pr-ᶜ; rn.f ᶜ; n(j)-š-ᶜnh-;htj [Hass. Giza III, 124 (fig. 10)] 'писец дворца по имени великому (полному) Ниэсанехахти'.

Примечание. Ср. выше, вар. I/VIII и I/XII.

ЛОЖНАЯ АППОЗИЦИЯ

Как в деловых, так и в литературных и религиозных текстах на староегипетском и среднеегипетском языках некоторые имена существительные (реже субстантивные словосочетания) часто можно найти в положении, внешне весьма сходном с положением одного из видов приложения. Они стоят перед другим именем существительным и непосредственно примыкают к нему. Таково положение существительного, указывающего на материал, содержимое, длину предмета, в отношении существительного, обозначающего этот предмет; название нома в отношении названия населенного пункта, находящегося в этом номе; названия страны в отношении названия этнической группы, населяющей эту страну. Примеры:

sb;w (→) *m;t* (Urk. I, 107, 4) 'врата из гранита'.

Примечание. Обоснование принципов нашей транслитерации см. ниже. Графически здесь представлено: *m;t sb;w* 'гранит, врата'.

;khw 2 (→) *hd* (Urk. IV, 39, 3) '2 секиры из серебра'.

Примечание. Графически здесь представлено: *hd ;khw 2* 'серебро, секиры 2'.

ds 100 (→) *hnk.t* (Westc. I, 13) '100 кружек пива'.

Примечание. Графически здесь представлено: *hnk.t ds 100* 'пиво, кружек 100'.

st;t 5 (→) *;h.t* (Urk. IV, 6, 7—8) '5 сечат пашни';

...mškt.t (→) *mh 8* (Pal. vs. 5, 2) 'солнечная ладья в 8 локтей'.

Примечание. Графически здесь представлено: *mh 8 mškt.t* '8 локтей, солнечная ладья'.

;bdw (→) *t;wr* (Urk. I, 118, 14) 'Абидос в Тинитском номе'.

Примечание. Графически здесь представлено: *t;wr ;bdw* 'Тинитский ном, Абидос'.

nhšj.w (→) *ir;t* (Urk. I, 101, 13) 'Эфиопы страны Ирчет'.

Примечание. Графически здесь представлено: *ir;t nhšj.w* '[страна] Ирчет, эфиопы'.

К. Пиль, в 1892 г. в небольшой заметке впервые описавший подобные случаи примыкания слов²¹, еще не говорит об аппозитивных отношениях между ними, а высказывает мнение, что таким способом выражалось отношение между целым и частью и что помещение части за целым являлось в египетском языке реминисценцией счетоводных документов.

Причину этого Пиль находит во введении писцами из-за личного интереса «чисто произвольных писарских форм в разговорный язык».

Другим способом выражения отношения между целым и частью (при выдвигании части перед целым) Пиль называет описательную форму (la forme périphrastique), т. е. конструкции

²¹ К. Piehl, *Varia*, § LXII, ZAS, Bd XXVIII (1892), стр. 15—17.

с частицей генитива *n* и предлогом *m*. Но этот способ Пиль считает более молодым, вторичным, произошедшим из первого.

В дальнейшем Шпигель в своей статье об аппозиции справедливо отметил ошибочность мнения Пилия, что в указанных случаях имели место отношения целого и части и что способ непосредственного примыкания имен существительных был первичным. Но вывод Пилия о влиянии счетоводных документов на выдвигание вперед имен существительных, обозначающих материал и т. п., представляется бесспорным.

Позже Эрман и Гардинер отнесли указанные случаи примыкания имен существительных к аппозиции²², так как явление аппозиции в египтологической литературе рассматривалось прежде всего с точки зрения формального положения одного имени существительного в отношении другого, и, как Пиль, считали подобного рода явление результатом влияния «канцелярского стиля».

Такого взгляда придерживался К. Зете в своем капитальном труде о числах и числительных у древних египтян²³. Зете исходит из того, что количественные числительные от 3 до 9 находились в аппозитивных отношениях, причем числительное стояло перед приложением-исчисляемым во множественном числе, на что указывают примеры из староегипетского языка (а в дальнейшем и новоегипетского), когда числительные писались словесным путем, а не цифрами (*psd.(w) sp.w* 'девять раз' и т. д.)²⁴. В Древнем царстве появился и особенно развился в период Среднего царства другой способ написания числительного после исчисляемого в единственном числе. В этом случае числительное писалось цифрой (*sp 9* 'девять раз' и т. д.). Этот способ написания возник, без сомнения, под влиянием счетоводных документов. Зете считает, что последний способ являлся сокращенным «цифровым» написанием нормально произносившегося сочетания «числительное — исчисляемое во множественном числе».

В упоминавшейся выше статье об аппозиции Шпигель, учтя взгляды Пилия, Зете, Эрмана и Гардинера, имел полное основание объединить примеры примыкания имен существительных, обозначающих материал, содержимое и т. п., к другому существительному, с примерами примыкания количественных числительных к исчисляемому, и отнести все эти случаи к аппозитивным соединениям. Шпигель рассматривает интересующие нас конструкции как первоначальные, «коренящиеся во внутренней сущности языка», т. е. свойственные разговорному языку. Нет сомнения, что под влиянием Шпигеля Гардинер в последнем издании своей грамматики ввел новое определение таких кон-

²² Erman, Gram., § 210; G. Gram., § 90.

²³ K. Sethe, *Von Zahlen und Zahlworten bei den alten Agyptern*, Strassburg-1916.

²⁴ Там же, стр. 45—46.

струкций как «род аппозиции, общий для египетского и семитского языков», вместо более осторожной прежней формулировки, трактующей эти конструкции как «род аппозиции, происходящий, видимо, из счетоводных книг».

Следовательно, несмотря на признание того, что препозиционное положение имен существительных, указывающих на содержимое, материал и т. п., в отношении другого имени существительного возникло в результате влияния «канцелярского стиля», постепенно сложилось убеждение, что между этими именами существительными имели место аппозитивные отношения и что такие сочетания были свойственны египетскому языку. Последнее, однако, было невозможно доказать ни теоретически, ни практически. Поэтому естественно, что появился кардинально противоположный взгляд. Его высказал Эдель в грамматике староегипетского языка, опубликованной в 1955 г.²⁵ Он по-прежнему считает, что в египетском языке исчисляемое выступает после числительного как приложение, но случаи «цифрового написания» называет «графической перестановкой». Выдвижение вперед имен существительных, выражающих содержимое, материал, длину, местоположение, Эдель рассматривает тоже как результат влияния письменного лапидарного канцелярского стиля, но не как явление разговорного языка. По его мнению, в этих конструкциях лишь симулировались аппозитивные соединения путем графического подавления частиц, связывающих имена существительные (предлог *m*, частица генитива *nj*). Можно всецело согласиться с Эделем в его определении подобного явления как «ложной аппозиции». Но и Эдель, по нашему мнению, не доказал лингвистически свой правильный вывод. Окончательное решение вопроса лежит, без сомнения, в рассмотрении синтаксических отношений между словами, находящимися в «ложной аппозиции». Выше мы пришли к выводу, что синтаксические отношения между компонентами аппозитивных сочетаний египетского языка носили отождествительный или приравнительный характер. Несмотря на внешнее сходство примеров «ложной аппозиции» с примерами настоящей аппозиции, между, например, именем существительным, обозначающим содержимое, и именем существительным, передающим предмет, содержимое которого требует пояснения, или именем существительным, обозначающим область Египта, и именем существительным — названием населенного пункта в этой области, не было отношения приравнения, т. е. в примерах «ложной аппозиции» нельзя выделить приравняемого и приравнительного членов. Это, по нашему, и является главным теоретическим доказательством того, что в случае «ложной аппозиции» мы имеем дело не с аппозитивными сочетаниями, а с сочетаниями слов, между которыми были какие-то иные отношения. За столь своеобразной графической

²⁵ E. Gram., § 309—314.

формой скрывались, без сомнения, подчинительные сочетания (словосочетания), конкретный тип которых можно определить лишь условно.

Так, под графической формой ложного аппозитивного сочетания, в котором на первое место выдвинуто имя существительное, обозначающее материал, могло скрываться:

1) аналитически соположенное словосочетание, в котором выражалось отношение принадлежности предмета материалу (см. вар. XII);

2) *n*-словосочетание, в котором выражалось отношение предмета к материалу, из которого сделан предмет (см. вар. XXI);

3) предложное субстантивное словосочетание, в котором предлог *m* с зависимым членом — именем существительным, называющим вещество, материал, образует приименное определение происхождения предмета по материалу (см. вар. I/CCVIII);

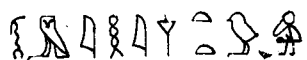
4) теоретически, наконец, морфологически согласованное словосочетание с постпозицией зависимого члена — относительного прилагательного, обозначающего материал (см. вар. XI).

Имя существительное, передававшее содержимое некоего вместилища, на правах зависимого члена могло вводиться при помощи вступления в *n*-словосочетание (вар. VII) или в предложное субстантивное словосочетание при посредстве предлога *hr* (вар. I/CCXXVI).

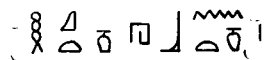
Указание длины в староегипетском языке могло вводиться путем подчинения имени существительного, обозначающего меру длины, в аналитически соположенном словосочетании (вар. XVII), но обычно с помощью *n*-словосочетания (вар. XVIII).

Название нома, в котором находился данный географический пункт, вводилось предлогом *m* (вар. Va/CCXIIa), а название страны, к которой относилась какая-либо этническая группа населения, выступало как зависимый член аналитически соположенного словосочетания (вар. XIII) или *n*-словосочетания (вар. XXIII)

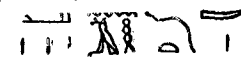
Все это показывает, что в каждом конкретном случае трудно установить подлинный характер подчинительных отношений, которые скрываются под графической оболочкой «ложной аппозиции». Поэтому при транслитерации, по нашему мнению, самым правильным является не добавление предлога или частицы генитива, как, например, поступает Эдель, а указание направления подчинения с учетом реального положения компонентов, например:

twt ihj (→) *d °m* (Pal. vs. 4, 3) 'статуя Ихи из электрона';

hbn.t 1 (→) *hnk.t* (Stut I, 319) '1 сосуд пива';

nhd.t (→) *mh 3* (Urk. I, 137, 10) 'бивень в 3 локтя';

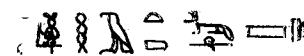

;bw (→) *tp-šm°w* (Urk. IV, 80, 15) 'Абидос Головы Верхнего Египта' (т. е. 'Абидос в Фиваде').

Следует отметить случаи, когда графически выдвигаются два имени существительных. Можно думать, что в этих случаях зависимый член, ближайший к независимому члену подчинительного сочетания, при выдвигении вперед также ставился непосредственно рядом с главным компонентом, а второй зависимый член выдвигался на первое место, что в транслитерации выглядит следующим образом:

mškt.t (→) *mh 8* (→) *bj*; (Pal. vs. 5, 2) 'солнечная ладья в 8 локтей из меди';

štj.t 2 (→) *;h.t* (→) *°nd.t* (Pal. vs. 3, 1) '2 ежаг пашни в Бусиритском номе'.

Выяснение значения синтаксических отношений между членами аппозитивных сочетаний помогает решить вопрос не только о «ложной аппозиции», но и об отношениях, которые существовали в египетском языке между количественным числительным и исчисляемым и которые Зете, как указывалось выше, считал аппозитивными.

Мы уже высказывали предположение, что в этих случаях в языке имело место подчинение счетному существительному — количественному числительному (управляющему члену) имени существительного, которое выражало исчисляемые предметы при помощи так называемого непосредственного генитива²⁶, т. е., как можно сейчас уточнить, при помощи вступления числительного с именем существительным в аналитически соположенное словосочетание (вар. I/XXIII). При этом мы учитывали тот важный факт, что некоторые числительные (*w°* 'один' и высшие разряды чисел) вступали с исчисляемым явно в подчинительные отношения (см. вар. I/XXXVIII *n*-словосочетаний). Сейчас к этому можно добавить то доказательство, что в любых случаях между числительным и исчисляемым нельзя усмотреть ничего об-

²⁶ Н. С. Петровский, *Количественные числительные в древнеегипетском языке как члены предложения*, — сб. «Древний мир», М., 1962, стр. 161.

щего с приравнительными отношениями и выделить приравняемый и приравнительный компоненты.

Что касается распространенного «цифрового» способа написания, то под ним, без сомнения, тоже скрывалось нормально произносившееся не аппозитивное, а подчинительное сочетание.

В связи, однако, с графическим подавлением окончания множественного числа у имени существительного — исчисляемого следует сохранить принятую в египтологии транслитерацию, при которой отмечается графическая последовательность слов и цифровое выражение числительного.

СТАРОЕГИПЕТСКИЙ СПОСОБ ФИЛИАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭМФАЗИСА ЗАВИСИМОГО ЧЛЕНА СЛОВСОЧЕТАНИЯ, А НЕ «ЧАСТИЧНОЙ АППОЗИЦИИ»

От таких чисто графических приемом, как «ложная аппозиция» или «цифровые» написания количественных числительных после исчисляемого — имени существительного, следует отличать некоторые языковые явления, которые Шпигель рассматривал как Badal-Apposition. Как мы указывали, последнюю Шпигель считал особым родом аппозиции, при которой имела место лишь частичная тождественность членов аппозиционного соединения слов. Хинтце, однако, в цитированной выше работе справедливо отметил, что между членами Badal-Apposition не было даже частичной тождественности, и отнес это явление в целом к анаколупу. К этому можно добавить, что поскольку между членами аппозитивного сочетания в египетском языке не существовали отношения тождественности, а возникали отношения приравнения, отождествления, то примеры Badal-Apposition, приведенные Шпигелем, вообще нельзя считать аппозитивными сочетаниями. Эти примеры, как правило, не представляют собой также и какого-либо другого непредикативного сочетания слов, известного египетскому языку, т. е. не являются ни подчинительными, ни сочинительными сочетаниями, а иногда их можно отнести к «ложной аппозиции».

И если мы здесь упомянули о Badal-Apposition, то только из-за одного важного случая, который Шпигель отнес к ней (причем мнение Шпигеля получило широкое распространение в египтологии).

Речь идет о староегипетском способе филиации. Выше мы отметили, что прямой способ филиации соответствовал аппозитивному соположенному сочетанию с постпозицией приравнительного члена (вар. II), а инверсивный способ филиации — аппозитивному соположенному сочетанию с препозицией приравнительного члена (вар. II/IX).

Староегипетский способ филиации отличался тем, что после имени отца/матери (x) следовало словосочетание $s;f/\dot{s}$ 'сын его/ее' или $s;t.f/\dot{s}$ 'дочь его/ее', в котором местоимение-суффикс отражало то лицо, которое являлось отцом/матерью, а затем шло имя сына/дочери (y), т. е. формула этого способа филиации была: x, $s;f$ y.

Шпигель отнес этот способ филиации к Badal-Apposition, т. е. считал, что слово $s;$ 'сын' являлось приложением к имени отца/матери, но, в связи с тем что они не идентичны, «частичная аппозиция» между ними устанавливалась при помощи местоимения-суффикса. Нет сомнения, однако, что группа слов x $s;f...$ представляет собой не аппозитивное сочетание слов, а явление особого рода.

При исследовании явления эмфазиса обычно под последним принято подразумевать выдвижение какого-либо члена предложения, т. е. эмфазис членов предложения, например подлежащего и прямого дополнения:

$hk; pf n\dot{n}d.f h\dot{n}^c.f$ (Sin. В 113—114) 'властитель тот, советовался он со мной'; $t;n ph.n \dot{s}w$ (P. 1115, 11) 'страна наша, достигли мы ее'.

В указанном староегипетском способе филиации мы при рассмотрении группы x $s;f...$ сталкиваемся с явлением эмфазиса на ином уровне. Здесь выдвигается не член предложения, а зависимый член подчинительного сочетания, точнее зависимый член аналитически соположенного словосочетания. При эмфазисе он выдвигался вперед и замещался соответствующим местоимением-суффиксом.

Эдель в грамматике староегипетского языка придерживается мнения Шпигеля и относит староегипетский способ филиации к «частичной аппозиции». Он приводит пример такой филиации, долженствующий, видимо, доказать «частичную аппозицию»:

$n-\dot{s}w.t-bj.t \dot{s}nfrw s;t.f... nfr.t-k;w$ (E. Gramm., § 306), букв. 'царь Верхнего и Нижнего Египта Снефру, дочь его... Нефреткау'.

Этот пример, однако, хорошо показывает иное, а именно, что имя отца ($n-\dot{s}w.t-bj.t \dot{s}nfrw$) выдвинуто перед словом $s;t$ 'дочь' и замещено местоимением-суффиксом, т. е. явление эмфазиса.

Случаи эмфазиса зависимого члена словосочетания встречаются не только при указании филиации. Эдель проводит следующий любопытный пример, относя его, конечно, тоже к «частичной аппозиции»:

$k;n-n-\dot{s}w.t d.t.f$, букв. 'Каиннесут, владение его'.

Но этот пример еще убедительнее показывает эмфазис члена словосочетания ($*d.t k;n-n-\dot{s}w.t > k;n-n-\dot{s}w.t d.t.f$). Возвращаясь к формуле староегипетского способа филиации x, $s;f$ y, в которой x $s;f$ является результатом эмфазиса зависимого члена словосочетания $s;$ x, можно сделать вывод, на первый

взгляд неожиданный, что этот способ является эмфатической формой инверсивного способа филиации $s; x, y$, т. е. что $x, s; f y < s; x, y$. Этот вывод интересен в историческом аспекте тем, что показывает существование инверсивного способа филиации в его эмфатической форме гораздо ранее начала 6-й династии, к которому относят первые примеры инверсивного способа филиации. Возможно, что этот способ филиации, существовавший в Древнем царстве как торжественный способ передачи филиации высокопоставленных лиц и встречающийся в усиленной эмфатической форме, становится (начиная с 6-й династии и вплоть до позднего Среднего царства) в связи с демократизацией всех сторон жизни достоянием более широких слоев населения.

В заключение следует подчеркнуть, что эмфазис членов словосочетания не имел ничего общего с графической перестановкой или «ложной аппозицией», а был, как и эмфазис членов предложения, явлением разговорного языка. Отсюда и обязательное замещение выдвигаемого компонента местоимением-суффиксом, что отсутствует при графических перестановках. Между прочим, можно отметить, что происхождение эмфазиса членов предложения из эмфазиса зависимого члена словосочетания для нас бесспорно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительном разделе мы остановимся не на перечислении того, что было уже рассмотрено, а на трех проблемах, не связанных друг с другом, разрешение которых возможно, по нашему мнению, лишь на основе изучения сочетаний слов.

Эти три проблемы касаются следующих вопросов: 1) происхождения структурных типов предложений египетского языка; 2) предложного типа связи в сложных предложениях; 3) синтаксического членения древнеегипетской речи.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ДВУСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЕГИПЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на то что нам приходится иметь дело с мертвым языком, интонация которого (и даже огласовка) нам неизвестна, рассмотрение структурных типов предложений египетского языка не представляет трудностей. Типов предложений в египетском языке значительно меньше, чем словосочетаний. Судя по языку письменных источников, в египетском языке господствовало двусоставное предложение (односоставные предложения встречаются очень редко), т. е. предложение, составленное по следующему положению членов структурной основы: сказуемое — подлежащее (С—П) или подлежащее — сказуемое (П—С).

Среди двусоставных предложений, в соответствии с тем, чем выражено сказуемое, ясно выявляются три вида предложений: не глагольные, т. е. предложения, в которых сказуемое выражено не глаголом, а другими частями речи; так называемые ложноглагольные, в которых в качестве сказуемого выступает предложная группа инфинитива или глагольная форма качества и состояния (old perfective), и глагольные, в которых сказуемое выражено глагольной формой личного местоименно-суффиксного спряжения или формой 1-го лица единственного числа глагольной формы качества и состояния.

Нет сомнения, однако, что предложения всех трех типов являлись коммуникативными единицами и все они передавали сообщение о каком-либо явлении действительности. Между организационными центрами предложения возникали синтаксические отношения, совершенно отличные от подчинительных, сочинительных и аппозитивных отношений в сочетаниях слов, т. е. предикативные отношения, основным признаком которых, по мнению многих советских лингвистов, является соотно-